

Глава 1: Начало прекрасной дружбы

Утро было свежим, безмолвным и окутанным нежным золотистым светом – таким, каким и должно быть самое настоящее августовское утро. Август можно было описать лишь одним словом – сладостный. То, как солнце ласково целовало землю, окутывая своим сиянием всё, на что падал его взгляд, даже в самые облачные дни, было истинной противоположностью всему горькому и мрачному на свете. Именно эта сладость и выделяла август среди других месяцев.

Но август был не только сладостным – он был еще и благодатным. Семь часов утра – час, далекий от нежности, все еще крепко обнимаемый ночным холодом. С октября по март семь часов едва ли можно было назвать утром; это был серый, холодный час. Апрель и сентябрь были ненамного лучше. Однако август всё менял.

Августовские утра были без сомнения приятными, и именно это делало пребывание во дворе вполне допустимым утренним занятием. В самом деле, как он размышлял, сидя под старым дубом в семь утра, когда августовское солнце согревало его лицо, всё не так уж и плохо – неплохое начало дня.

Было тихо. Он любил тишину. В такие моменты он мог действительно чувствовать. В такие моменты его разум творил волшебство, собирая данные и обрабатывая стимулы с изысканным вниманием к деталям. Да, семь утра – идеальное время для наблюдений. Как, например, за травой. В манере, с которой влажные, пушистые стебли щекотали его ноги, дополненной легким ветерком, овевающим двор и взлохмачивающим его ровные вороньи локоны весьма милостивым образом, было нечто уникальное и стимулирующее.

Но в нем не было ничего милостивого; даже безмятежность августовского утра не позволила ему забыть об этом. И любой, кто взглянул бы ему в глаза, несомненно согласился бы: они были холодными и темными, что противоречило его мягким, сладостным, августовским чертам. Да, все считали его совершенным ангелом, пока не заглядывали ему в глаза. Тогда они понимали. Он был не августовским дитя – он родился в декабре.

- Том! – раздался уродливый визг, заставивший его зло зашипеть и стиснуть зубы.

«Миссис Коул, несомненно, услышала историю – Стаббс, конечно, опять побежал к ней, жалуясь и хныча, как несмышленный ребенок. Честно говоря, нельзя винить его за его действия: Билли Стаббс со всеми его насмешками, небрежными жестами и раздражающим голосом заслуживал этого и гораздо большего».

Что-то было просто ужасное в этом мальчике. Пауки были с ним согласны – пауки, которые послушно заползли в его брюки всего десять минут назад, несомненно оставив ему неприятные укусы по всему телу. Конечно, у Стаббса не было никаких доказательств его причастности, но они ему и не нужны были. Все знали о странностях Тома – в частности, о его необъяснимой способности дрессировать животных, не поднимая и пальца.

По его лицу расплылась презрительная усмешка. В этот раз Стаббс отделался легким испугом.

Глупый мальчишка получит по заслугам. То есть, когда придет время. Миссис Коул всегда говорила не играть с едой – так что, естественно, он как раз это и планировал сделать.

- Вот ты где! – он резко поднял голову, хмурясь.

- Ну-ка не смотри на меня так, негодный мальчишка! Я слышала, что ты натворил – я слышала...

Он заглушил гневную брань женщины мрачными мыслями, вскипавшими в его сознании. «Он покажет им. Он покажет им всем. С Томом Риддлом шутки плохи». Кроме того...

Он запнулся.

Что-то было не так. Том Риддл? Это неправильно. Почему он так зол? Бедный Билли Стаббс, мальчик ведь не заслужил всех этих укусов пауков, по крайней мере, не настолько. Его разум пошатнулся от шока – он не хотел этого. Он не хотел ничего из этого! Он не хотел причинять боль никому. Он не хотел быть обузой. Но как только он повернулся, чтобы объявить о своем озарении, он встретил лишь темноту. Холодную, пустую тьму, к счастью, продлившуюся лишь секунду.

- Мальчишка!

Три резких удара заставили его выпутаться из кровати, судорожно пытаясь пригладить свою печально известную торчащую шевелюру, прежде чем надеть сломанные очки и отодвинуть защелку двери шкафчика.

Его встретил не праведный гнев миссис Коул, а не менее устрашающий взгляд Петунии Дурслей.

- Уже полвосьмого! Завтрак должен быть уже на столе, ленивый ребенок! – проворчала она сердито.

- Да, тетя Петунья, – ответил он безучастно, заработав легкий подзатыльник.

- Никакой дерзости, мальчишка.

Он сдержал едкий ответ – потому что таков он не был. Он не злился, не был мстительным; он был слабым, легкой мишенью – вот кем был Гарри Поттер.

Порой по утрам было нелегко вспомнить, кто он такой. Бывали моменты, когда он еще пребывал в сонном тумане, что ему приходилось напоминать себе, что он не Том Риддл. И он не хотел им быть. Том Риддл был не хорошим человеком. Гарри знал это, и он действительно не

понимал, почему продолжал видеть сны о невежливом мальчике. Было немного странно, немного жутко, как каждую ночь его сознание переносилось в жизнь другого мальчика, в чем-то похожего на него, но в чем-то ужасно непохожего.

Тем не менее, он не возражал против снов, размышлял он, разбивая несколько яиц на сковороду. Это было даже преуменьшением. На самом деле, он ни за что бы не отказался от них. Когда он был Томом, он никогда не боялся, никогда не сомневался в себе. Когда над ним издевались, он давал сдачи.

Когда с ним поступали несправедливо, он отвечал той же монетой. Когда его называли уродом, он носил это как знак отличия. Это было освобождающе – быть без чувства вины, без ощущения никчемности и безнадежности, что, казалось, преследовало его повсюду и всегда. Нет, Гарри Поттер не был Томом Риддлом, но иногда он желал им быть. Иногда было трудно убедить себя, что он никогда не захочет стать таким жестоким человеком.

<http://tl.rulate.ru/book/105065/3741889>